

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение

высшего образования

«Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Франческа Кьярвезио

Антикоррупция в дискурсах акторов гражданского общества в России

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Научный руководитель:

PhD Лили Ди Пуппо

Москва - 2023

Постановка исследовательской проблемы

Противодействие коррупции появилось как область исследования в 1990-х годах, связывая коррупцию со странами, 'переходящими' к западной демократической модели, такими как постсоветские республики.¹ В эти годы международные институты и организации, такие как Всемирный банк и Трансперенси Интернешнл, начали рассматривать коррупцию как проблему экспертного знания, легитимизировав развивающуюся 'антикоррупционную индустрию', которая продвигала универсальные решения и программы.² Это легло в основу научного подхода, рассматривавшего коррупцию как угрозу, вызванную поведением лиц, преследующих личные интересы, которую можно минимизировать путем внедрения схем стимулирования и механизмов контроля.³

В 2000-х годах ученые начали анализировать международный антикоррупционный дискурс. Они объяснили, как коррупция была дискурсивно сконструирована как проблема 'принципал-агента', вызванная отсутствием четкого различия между частной и публичной сферами с игнорированием культурных норм и практик, характеризовавших незападные и (полу)периферийные страны, и ситуативность дискурсов и концепций коррупции.⁴

Исследования по противодействию коррупции в России внесли свой вклад в изучение данной проблемы, исследуя дискурсы, созданные правительством и оппозицией, раскрывая их связь с коррупцией только с высокопоставленными чиновниками и попытку государства заимствовать дискурс оппозиции путем создания организаций гражданского общества по инициативе властей.⁵ Кроме того, были

---

¹ Polzer T. Corruption: deconstructing the World Bank discourse. Working Paper No. 01-18, Development Studies Institute, LSE. 2001. Bukovansky M. Corruption is bad: Normative dimensions of anti-corruption movement. Working Paper 2002/5, Australia National University, Canberra. 2002.

² Sampson S. The anti-corruption industry: from movement to institution. *Global Crime*. 2010. Vol. 11 № 2. P. 261-278.

³ Bukovansky M. The hollowness of anti-corruption discourse. *Review of International Political Economy*. 2006. Vol. 13. № 2. P. 181-209.

⁴ Haller D., Shore C. Corruption: anthropological perspectives. London: Pluto, 2005. Gephart M. Contested meanings in the anti-corruption discourse: international and local narratives in the case of Paraguay. *Critical Policy Studies*. 2015. Vol. 9 № 2. P. 119-138. Kajsiu B. *A discourse analysis of corruption: Instituting neoliberalism against corruption in Albania, 1998-2005*. London: Routledge, 2016. Doshi S., Ranganathan M. Towards a critical geography of corruption and power in late capitalism. *Progress in Human Geography*. 2019. Vol. 43. № 3. P. 436-457. Kiss T., Székely I.G. Populism on the semi-periphery: Some considerations for understanding the anti-corruption discourse in Romania. *Problems of Post-Communism*. 2022. Vol. 69. № 6. P. 514-527.

⁵ Aburamoto M. The politics of anti-corruption campaigns in Putin's Russia: power, opposition, and the All-Russia People's Front. *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. № 3. P. 408-425. Pavlova E. Corrupt governance: Self-defeating anti-corruption rhetoric and initiatives in Russia. *New Perspectives*. 2020. Vol. 28. № 2. P. 205-222.

изучены представления организаций гражданского общества о противодействии коррупции в России путем анализа различных дискурсивных концепций коррупции и стратегий легитимации.⁶ Текущее исследование вносит свой вклад в эту литературу, изучая, как международный антикоррупционный дискурс артикулируется в России организациями и инициативами гражданского общества, и самоорганизованными группами, непосредственно участвующими в этом секторе. Более того, в исследовании рассматривается, как политизация антикоррупции правительством и оппозицией повлияла на местную артикуляцию международного дискурса.

Необходимость исследовать различные артикуляции международного антикоррупционного дискурса, присутствующие в российском гражданском обществе, возникает, если принять во внимание растущую политизацию темы коррупции с начала 2010-х годов и неоднородность действующих акторов, занятых в этом секторе, и, — два аспекта, которые лишь частично были рассмотрены в существующей литературе.

С начала 2010-х годов обвинения в фальсификации выборов и публикация расследований в отношении коррумпированных высокопоставленных чиновников вызвали массовые протесты в разных городах России. Создание антикоррупционных инициатив, поддерживаемых оппозицией, и их растущая актуальность в делегитимизации государственного антикоррупционного дискурса привели к политизации темы.⁷

В 1990-х и 2000-х годах противодействие коррупции представляло собой побочную задачу для организаций, которые часто получали международное финансирование, за исключением локальных организаций, таких как ИНДЕМ и Национальный антикоррупционный комитет, непосредственно действующих на местах.⁸ В 2010-х годах были созданы новые локальные акторы, некоторые в рамках Национальных планов противодействия коррупции⁹ одобрены правительством, в то время как другие были созданы оппозицией. С середины 2000-х годов правительство

---

⁶ Makarova M. Between the State and Civil Society: Anti-corruption Discourse of Movements and Non-governmental Organizations in Russia. *Research in Social Change*. 2019. Vol. 11. № 3. P. 39–68.

⁷ Pavlova E. Corrupt governance: Self-defeating anti-corruption rhetoric and initiatives in Russia. *New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations*. 2020. Vol. 28. № 2. P. 205-222.

⁸ Shelley L. Civil Society Mobilized against Corruption: Russia and Ukraine In: M. Johnston, (eds.), *Civil Society and Corruption*. Lanham, Maryland: University Press of America, 2005; - p. 3-21.

⁹ Национальный план противодействия коррупции 2016–2018. Доступно по адресу: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40657> (Дата абаощения: 29 Декабрь 2021) Национальный план противодействия коррупции 2018–2020. Доступно по адресу: [http:// kremlin.ru/acts/bank/43253/](http://kremlin.ru/acts/bank/43253/) (Дата абаощения: 29 Декабрь 2021) Национальный план противодействия коррупции 2021-2024. Доступно по адресу: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47119> (Дата абаощения: 29 Декабрь 2021)

усилило регулирование деятельности общественных организаций, а в 2010-х годах были одобрены законы об ‘иностраннных агентах’¹⁰ и ‘нежелательных организациях’¹¹. Как следствие, многие акторы гражданского общества, занятые в этой области, были вынуждены прекратить свою деятельность или решили продолжать действовать в качестве незарегистрированных инициатив.¹² Помимо этих организаций, существуют акторы, косвенно вовлеченные в антикоррупционную сферу, а также продвигающие демократические ценности и оказывающие правовую поддержку гражданам.

Существующие научные работы по противодействию коррупции в России были сосредоточены на акторах, непосредственно занятых в этой области, или на инициативах и организациях, которые продвигали демократию и права человека. Однако в литературе упускается из виду важность самоорганизующихся городских инициатив для обеспечения подотчетности местных органов власти. Исследования предоставили доказательства роли коррупции как триггера для мобилизации городской активности в России, но способ артикуляции борьбы с коррупцией остался неизученным.¹³

С опорой на критические научные работы о противодействии коррупции и на теорию дискурса Лакло и Муффа в этом проекте исследуется формулирование антикоррупции акторами российского гражданского общества. С помощью концепции ‘плавающих означающих’ данная работа показывает, как международный антикоррупционный дискурс артикулируется локально.¹⁴

Научная литература подчеркивает важную роль гражданского общества в противодействии коррупции. В этих исследованиях гражданское общество

---

¹⁰ Федеральный закон N. 121-FZ ‘О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента’, от 20.07.2012 N 121-ФЗ. Доступно по адресу: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900/. (Дата аботания: 30 Июня 2022)

¹¹ Федеральный закон N. 129 FZ, ‘О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации’, от 23.05.2015 N 129-ФЗ. Доступно по адресу: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179979/. (Дата аботания: 30 Июня 2022)

¹² Статьи A and B.

¹³ Желнина А., Тыканова Е. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2019. Vol. 22. № 1. P. 162–192. Tykanova E., Khokhlova A. Grassroots Urban Protests in St. Petersburg: (Non-) Participation in Decision-Making About the Futures of City Territories. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2020. Vol. 33. P. 181-202.

¹⁴ Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. Verso Books, 2014.

концептуализируется как отделенное от государства и рынка и представляющее интересы граждан. Данное определение исключает правительственные неправительственные организации.¹⁵ Однако в настоящей работе исследуется не роль гражданского общества в противодействии коррупции, а скорее его роль в дискурсивном конструировании антикоррупции, в артикуляции основных означающих, составляющих международный дискурс.

В данном исследовании составляющими гражданского общества считаются парагосударственные организации, неправительственные акторы, созданные оппозицией, организации, входящие в международные сети, местные организации и инициативы, и самоорганизующиеся группы.

Результаты проекта были представлены в четырех статьях. Опираясь на критическую литературу по противодействию коррупции, статьи Б и Г исследовали, как академические международные и внутренние дискурсы повлияли на исследование России, отражая, с одной стороны, международный антикоррупционный дискурс, а с другой — дискурс правительства. Это позволило выделить нерешенные вопросы и разработать аналитическую стратегию исследования локальной артикуляции международного дискурса гражданским обществом. Основываясь на выводах, полученных в результате этого исследования, и опираясь на критические и постколониальные исследования, статья А раскрывает различные концепции коррупции и гражданского общества, существующие в этой области, исследуя, как акторы, которые воспроизводят международную артикуляцию, дискурсивно конструируют свою легитимность в политизированном контексте, где правительство и оппозиция соревнуются за фиксирование смысла ‘антикоррупции’. Артикуляция основных означающих, составляющих международный дискурс, городскими активистами, была исследована в статье В, в которой применяется теория фрейма, чтобы показать, как основные означающие ‘экспертизы’, и ‘морали’ используются ‘гражданским обществом’ для легитимации создаваемого дискурса.

Степень разработанности проблемы

‘Антикоррупционная индустрия’, была создана в 1990-х годах и привела к систематизации и институционализации антикоррупционной политики, а также к

---

¹⁵ Kaufmann D. Challenges in the Next Stage of Anti-corruption. New Perspectives on Combating Corruption. The World Bank. 1998. P. 139-164.

созданию гегемонистского международного антикоррупционного дискурса.¹⁶ Снайман объяснил, как именно в эти годы “изменения в антикоррупционном дискурсе позволили [...] количественно оценить (коррупцию) как экономическую проблему”^{17 18}, которую можно было бы уменьшить с помощью установления механизмов контроля. Тем не менее, недостаточные результаты, достигнутые программами, разработанными для противодействия этой проблеме, побудили ученых усомниться в универсализации антикоррупционной политики.¹⁹

В данной работе для анализа антикоррупции применяется теория дискурса Лакло и Муффе. Самой известной работой, в которой данная теория была применена в обозначенном контексте, является анализ Гебель международного антикоррупционного дискурса и выявления ключевых означающих, которые его составляют. Выяснилось, что коррупция дискурсивно конструируется как вызванная рациональным и эгоистичным поведением государственных должностных лиц, следовательно, как проблема, которую можно уменьшить путем механизмов контроля.²⁰ Ключевые означающие, артикулирующие дискурс, отражают принципы ‘хорошего некорруптированного общества’, такие как ‘прозрачность’, ‘подотчетность’, ‘честность’ и ‘мораль’, а также инструменты, необходимые для их достижения, такие как ‘экспертиза’, ‘гражданское общество’ и ‘доступная информация’. В этом контексте гражданское общество играет центральную роль в повышении осведомленности, социальной мобилизации и продвижении ‘правильной’ антикоррупции. Таким образом, ‘гражданское общество’ дискурсивно конструируется как важное для усиления подотчетности, прозрачности и неподкупности, в то время как его значимость для расширения участия граждан в процессах принятия решений остается неопределенной. ‘Экспертные знания’ также являются ключевым элементом международного антикоррупционного дискурса и понимаются как технические знания, необходимые как для осуществления реформ в государственных органах, так и для укрепления гражданского общества. Таким образом, международные организации рассматриваются

---

¹⁶ Sampson S. The anti-corruption industry: From movement to institution. *Global Crime*. 2010. Vol. 11. № 2. P. 271. Gebel A. C. *The ideal within. A discourse and hegemony theoretical analysis of the international anti-corruption discourse*. Aberystwyth University, 2012.

¹⁷ Snyman R. A. Games of Truth in the age of Transparency: International Organisations and the Construction of Corruption. *Journal of Business Ethics*. 2022. Vol 181. P. 84-87.

¹⁸ Все цитаты, включенные в резюме, переведены автором.

¹⁹ Brown, E., Cloke, J. Critical perspectives on corruption: An overview. *Critical Perspectives on International Business*. 2011. Vol. 7. № 2. P. 116–124.

²⁰ Gebel, A.C. 2012. *The ideal within. A discourse and hegemony theoretical analysis of the international anti-corruption discourse*. Aberystwyth University.

как основополагающие для эффективной борьбы с коррупцией, поскольку они обладают необходимыми знаниями в отличие от локальных акторов.²¹ Гебель объясняет, каким образом для того, чтобы результат был убедительным и применимым повсеместно, международный дискурс строится как аполитичный.²²

В исследованиях, посвященных противодействию коррупции и гражданскому обществу в России, в основном не учитывались контекстуальные значения, предаваемые борьбе с коррупцией, и применялся подход, отражающий международные и внутренние антикоррупционные дискурсы. В результате ученые, аффилированные с национальными институтами, предложили обширные исследования о том, как улучшить Национальные планы по противодействию коррупции, сосредоточив внимание на необходимости установления партнерских отношений между гражданским обществом и государством. С другой стороны, ученые, аффилированные с иностранными институтами, исследовали развитие гражданского общества с течением времени и изучали влияние усиления регулирования гражданского общества на деятельность, осуществляемую различными акторами. Особое внимание было уделено созданию полугосударственных организаций с целью осуществления 'искусственного сотрудничества' (faux collaboration) с гражданским обществом и заимствования антикоррупционной программы оппозиции для усиления легитимности правительства.²³

В этом контексте работы Павловой и Макаровой представляют собой некоторые исключения, поскольку они рассматривали дискурсивное конструирование антикоррупции различными акторами в России. Павлова утверждала, что в местных дебатах коррупция обычно рассматривается как система перераспределения ресурсов или как инструмент, используемый оппозицией для делегитимизации правительства. При этом игнорируются коррупционные практики среди граждан, что ограничивает возможность рассматривать коррупцию как проблему коллективных действий.²⁴ Это

---

²¹ Gebel A.C. *The ideal within. A discourse and hegemony theoretical analysis of the international anti-corruption discourse*. Aberystwyth University, 2012; - p. 81.

²² Gebel A.C. *The ideal within. A discourse and hegemony theoretical analysis of the international anti-corruption discourse*. Aberystwyth University, 2012

²³ Zaloznaya M., Reisinger W. M., Claypool V. H. When civil engagement is part of the problem: Flawed anti-corruptionism in Russia and Ukraine. *Communist and Post-Communist Studies*. 2018. Vol. 51. № 3. P. 245-255. Aburamoto M. The politics of anti-corruption campaigns in Putin's Russia: power, opposition, and the All-Russia People's Front. *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. № 3. P. 408-425.

²⁴ Pavlova E. The Russian Federation and European Union against corruption: A slight misunderstanding?. *European Politics and Society*. 2015. Vol. 16. № 1. P. 117-118. Pavlova E. Corrupt governance: Self-defeating anti-corruption rhetoric and initiatives in Russia. *New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations*. 2020. Vol. 28. № 2. P. 205-222.

привело к “очень глубокому разрыву в антикоррупционном дискурсе: готовность бороться с коррупцией сосуществует с коррупцией в повседневной жизни”²⁵. Макарова проанализировала дискурсы трех организаций в России, исследуя различные артикуляции причин коррупции и легитимацию стратегий акторов.²⁶ Тем не менее, эти исследования не отвечают на вопрос, как международный дискурс артикулируется на локальном уровне, и они не включают акторов гражданского общества, косвенно вовлеченных в эту область.

Международная научная литература исследовала адаптации антикоррупционных проектов на локальном уровне, раскрывая, как акторы гражданского общества дискурсивно конструировали ‘успех’ легитимации своей роли посредников между интересами граждан и правительством. Целью данной практики является поддержание отношений донорами, хотя эффективность международного дискурса оспаривалась в неофициальных нарративах.²⁷ В этих работах объяснялось, как локальные артикуляции антикоррупции внедряются в более широкие дискурсы и значение, придаваемое борьбе с коррупцией, ситуативно, и им можно манипулировать, чтобы создать популистский дискурс, который делегитимизирует коррумпированные элиты.²⁸

Данная работа вносит вклад в дискуссию об антикоррупции в России, опираясь на критическую литературу, в которой исследовался международный дискурс и его артикуляция на локальном уровне в разных странах. Применяя теорию дискурса Лакло и Муффа, которая рассматривает дискурс как всегда открытый для , исследование фокусируется на том, как ключевые означающие наделяются новым означаемым локально.

Объем и ограничения исследования

Целью исследования является изучение того, как международный дискурс артикулируется локально акторами гражданского общества в России.

---

²⁵ Pavlova E. The Russian Federation and European Union against corruption: A slight misunderstanding?. *European Politics and Society*. 2015. Vol. 16. № 1. P. 118.

²⁶ Makarova M. Between the State and Civil Society: Anti-corruption Discourse of Movements and Non-governmental Organizations in Russia. *Research in Social Change*. 2019. Vol. 11. № 3. P. 39-68.

²⁷ Di Puppo L. Anti-corruption interventions in Georgia. *Global crime*. 2010. Vol. 11. № 2. P. 220–236.

²⁸ Kiss T., Székely I.G. Populism on the semi-periphery: Some considerations for understanding the anti-corruption discourse in Romania. *Problems of Post-Communism*. 2022. Vol. 69. № 6. P. 514-527.

В работе рассматривается только период с ноября 2018 года по ноябрь 2021 года, и в нее не включены изменения, произошедшие в гражданском обществе с 2022 года.

Из-за нехватки времени и ограничений, вызванных пандемией, исследование проводилось только в Ижевске, Калининграде, Москве, Санкт-Петербурге и Тюмени.

Исследовательский вопрос

Как дискурсивно артикулируется антикоррупция акторами российского гражданского общества?

Цель

Цель исследования – изучение дискурсивной артикуляции антикоррупции в дискурсах акторов гражданского общества в России.

Задачи

- 1) Выявить академические дискурсы по противодействию коррупции в России. и Изучить, как они сформировали существующие научные исследования по этой теме и какие вопросы остались незамеченными. Выполнение данной задачи позволило определить критическую литературу по антикоррупции, необходимую для разработки стратегии изучения артикуляции локальной борьбы с коррупцией.
- 2) Изучить, как основные означающие международного дискурса артикулируются локальными акторами гражданского общества и как это приводит к появлению различных концепций антикоррупции.
- 3) Сгруппировать артикуляции антикоррупции по релевантности ключевым значениям.
- 4) Исследовать, подрывают ли локальные артикуляции международный дискурс, порождая контргегемонистский проект, или создают агонизмы.

Теоретико-методологические основания исследования

Личный вклад автора в разработку проблемы и сбор данных

Все полуструктурированные интервью, использованные в этом проекте, были собраны на русском языке непосредственно автором и расшифрованы автором. Эмпирические данные были полностью проанализированы автором. Статьи Б, В и Г были написаны автором. Статья А была написана в сотрудничестве с научным руководителем, Лили Ди Пуппо (НИУ ВШЭ). Для этой статьи автор собрала и проанализировала все интервью, участвовала в сборе и анализе литературы.

Теоретическая база исследования

Лакло и Муфф определяют дискурс как структуру, характеризующуюся постоянной борьбой за значение, в которой означающие могут быть зафиксированы лишь временно.²⁹ Построение дискурса подразумевает наделение основных означающих, или узловых точек дискурса обозначаемыми, – процесс, который позволяет временно закрыть дискурс. Основные означающие понимаются как привилегированные элементы, которые занимают центральное место в дискурсе.³⁰ Эти элементы взаимосвязаны и модифицируются дискурсивными артикуляциями, определяемыми как “любая практика, устанавливающая связь между узловыми точками таким образом, что их идентичность изменяется в результате артикуляционной практики”³¹. Узловые точки, составляющие дискурс, зафиксированы лишь временно и для объяснения конкуренции за обозначаемое используется теоретическая концепция ‘плавающих означающих’, которая относится к означающим, следовательно, также узловым точкам, которым различные дискурсы придают несколько обозначаемых.³²

Фактически, каждое означающее может быть наделено разными обозначаемыми, которые отражают различные дискурсы, составляющие поле дискурсивности.³³ В этой работе автор исследует “потенциальный обозначаемый за пределами международного дискурса”, который делает возможным артикуляцию конкурирующих дискурсов и

---

²⁹ Laclau E., Mouffe, C. *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. Verso Books, 2014.

³⁰ Jørgensen M. W., Phillips, L. J. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London; Thousand Oaks, CA; New Delhi: SAGE, 2002; - p. 26.

³¹ Laclau E., Mouffe, C. *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. Verso Books, 2014; - p. 91.

³² Jørgensen M. W., Phillips L. J. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London; Thousand Oaks, CA; New Delhi: SAGE, 2002; - p. 28.

³³ Torfing J. *New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe and Žižek*. Oxford: Blackwell, 1999. - p. 92.

составляет дискурсивное поле антикоррупции в рамках гражданского общества в России.³⁴

В данной теории концепция гегемонии играет важную роль, поскольку гегемония стабилизирует узловые точки дискурсов, позволяя временно ‘осаждать’ обозначаемое и конструировать дискурс. Фиксация дискурса, когда устанавливается гегемонистский порядок, превращает его в ‘универсальную’ артикуляцию, представляющую ‘истину’.³⁵ Тем не менее, все дискурсы лишь временно фиксированы, сталкиваясь с постоянной переартикуляцией и возможным оспариванием с целью создания альтернативных ‘истин’ “в контексте, перекрещенным антагонистическими силами”, таком как дискурсивное поле.³⁶

Временное закрытие дискурса требует создания цепочки эквивалентности, состоящей из временно фиксированных узловых точек, и цепочки антагонизма, которая соответствует антагонистическому ‘Иному’, противопоставленному ‘Мы’, исключенному ‘конститутивному внешнему’, которое угрожает фиксации дискурсов³⁷. Построение гегемонистского дискурса “влечет за собой отрицание альтернативных значений и вариантов и отрицание тех людей, которые отождествляют себя с ними”³⁸. В то же время создание антагонизма выявляет различные идеи, которые временно делегитимизированы, но могут сместить гегемонистский проект.

Как пояснила Гебель, международный антикоррупционный дискурс является гегемонистским, поскольку ему удастся создать универсальную модель борьбы с коррупцией, частично фиксируя узловые точки, которые ее составляют. В этом случае цепи эквивалентности и антагонизма соответствуют антикоррупционным и коррупционным цепочкам, элементы которых дискурсивно конструируют некоррупцированный и коррупцированный мир. Цепочка эквивалентности представляет общественные идеалы, которые продвигаются гегемонистским дискурсом и которые сопоставляются с антагонистической цепью.³⁹

Однако, как объяснил Муфф, “любой гегемонистский порядок подвержен вызову со стороны контргегемонистских практик, то есть практик, которые будут пытаться

---

³⁴ Jørgensen M. W., Phillips, L. J. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London; Thousand Oaks, CA; New Delhi: SAGE, 2002; - p. 56.

³⁵ Torfing, J. 1999. *New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe and Žižek*. Oxford: Blackwell; - p. 101-119..

³⁶ Torfing J. *New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe and Žižek*. Oxford: Blackwell, 1999; - p. 101.

³⁷ Torfing J. *New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe and Žižek*. Oxford: Blackwell, 1999. - p. 120-131.

³⁸ Torfing J. *New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe and Žižek*. Oxford: Blackwell, 1999. - p. 120.

³⁹ Gebel A. C. *The ideal within. A discourse and hegemony theoretical analysis of the international anti-corruption discourse*. Aberystwyth University, 2012.

расчленив существующий порядок, чтобы установить другие формы гегемонии”⁴⁰. Построение контргегемонистского проекта подразумевает ниспровержение ключевых означающих, составляющих гегемонистскую цепочку, как части новой антагонистической цепи. Этот процесс приводит к дискурсивному конструированию различных репрезентаций реальности и истин.

На основе теории дискурса, разработанной Лакло и Муффом, в этом проекте узловые точки, составляющие антикоррупционный дискурс, рассматриваются как ‘плавающие означающие’, а гегемонистский международный антикоррупционный дискурс – как дискурс, порождающий напряженность, несмотря на его универсализацию, и уязвимый для меж- и внутридискурсивной переартикуляции.

Политизация антикоррупционного дискурса правительством и оппозицией, а также неоднородность акторов гражданского общества, вовлеченных в дискурсивное конструирование борьбы с коррупцией в России, оправдывают необходимость изучения того, как международный дискурс артикулируется на локальном уровне.

Методология и методы исследования

Проект был разработан с учетом результатов, полученных в результате составления обзора существующей литературы по борьбе с коррупцией в России, который позволил провести различие между антикоррупционными академическими дискурсами. В рамках данного исследования особое внимание было уделено различным концепциям антикоррупции, роли государства и гражданского общества, применяемым методам исследования и полученным результатам.

Анализ текстов проводился с учетом теоретической основы, разработанной Лакло и Муффом, описанной выше. Эта теория была применена учеными для исследования международного дискурса, а концепция ‘плавающих означающих’ использовалась для изучения локальных артикуляций. В силу глубины анализа построения международного дискурса с применением этой теории дискурса, исследование Гебель, опубликованное в 2012-2012 годах, послужило основой для разработки этого проекта.⁴¹ Данная работа опирается на выводы Гебель и сравнивает их с дискурсивным анализом официальных заявлений и документов, опубликованных в

---

⁴⁰ Mouffe C. Critique as a counter-hegemonic intervention. *The art of critique*. 2008 [онлайн]. Доступно по адресу: <https://transversal.at/transversal/0808/mouffe/en> (Дата обращения: 14 Сентября 2022).

⁴¹ Gebel A.C. Human nature and morality in the anti-corruption discourse of transparency international. *Public Administration and Development*. 2012. Vol. 32. № 1. P. 109-128. Gebel A. C. *The ideal within. A discourse and hegemony theoretical analysis of the international anti-corruption discourse*. Aberystwyth University, 2012.

период с 2012 по 2019 год. Чтобы гарантировать последовательность исследования, в этой работе рассматриваются официальные документы, подготовленные теми же организациями, которые рассматривала Гебель: Трансперенси Интернешнл, Всемирный банк и ПРООН. Цель состояла в том, чтобы выяснить, по-разному ли артикулировались узловые точки, выделенные Гебель, на протяжении времени в российском гражданском обществе.

Сравнение существующих выводов, полученных в результате 'нового' дискурсивного анализа официальных документов, оправдывает использование цепочки эквивалентности и антагонизма, предложенной Гебель, поскольку обозначаемые, придаваемые ключевым означающим, остались неизменными.

Эти выводы позволили проанализировать различные тексты, подготовленные акторами гражданского общества, и исследовать, как борьба с коррупцией артикулируется на локальном уровне в России. Анализ текстов проводился в два этапа. Первоначально я рассмотрела веб-сайты акторов гражданского общества, заявления о миссии, стратегии борьбы с коррупцией, программные документы и отчеты о деятельности. Внимание было уделено различным концепциям антикоррупции и роли гражданского общества в конструировании дискурса. На первом этапе была проанализирована артикуляция ключевых означающих международного антикоррупционного дискурса, что позволило сначала сгруппировать акторов в соответствии с их различными концепциями борьбы с коррупцией. На втором этапе эти выводы были сопоставлены с текстами, собранными в ходе полуструктурированных интервью и неофициальных бесед, которые происходили во время стажировки и семинаров (Приложение 1). Вопросы интервью были сосредоточены на значении коррупции, концепциях борьбы с коррупцией, понимании роли гражданского общества и государства в борьбе с коррупцией, стратегиях легитимации, принятых различными акторами, отношениях с другими акторами гражданского общества, государством и обществом, размышлениях о международных и национальных стратегиях борьбы с коррупцией. На втором этапе также удалось выявить меж- и внутридискурсивные противоречия путем сравнения текстов, отражающих официальные артикуляции, и текстов, полученных в результате интервью и бесед.

Решение включить различные типы текстов в это исследование оправдано политизацией темы в России, приводящей к сужению понимания коррупции до инструмента сохранения власти или ее делегитимизации. Выводы, представленные в разделе 'Основные результаты исследования', подтверждают важность сравнения

официальных текстов и текстов интервью/бесед, поскольку это позволяет лучше понять продолжающуюся борьбу за фиксирование 'означающих' в дискурсивном поле.

Анализ локальной артикуляции узловых точек международного дискурса был проведен путем рассмотрения: 1) наличия и регулярности таких означающих в собранных текстах (в результате установлено, что некоторые означающие отсутствуют в локальных артикуляциях, и определены ключевые узловые точки дискурсивного 'поля борьбы': 'коррупция', 'гражданское общество', 'экспертиза', 'мораль', 'стабильность', 'государство'); 2) привилегия, присвоенная этому означающему в каждой артикуляции; 3) как эти означающие отражают более широкие дискурсы, которые составляют дискурсивное поле.

Проект включает обзор литературы, кабинетное исследование и полевые работы.

Для обзора литературы в анализ были включены работы, опубликованные в период с 1999 по 2020 год. Период был определен с учетом того факта, что до 1999 года не было опубликовано ни одного соответствующего исследования по России. Публикации были отобраны с использованием Google Scholar, поскольку такие базы данных, как Scopus или Web of Science, привели бы к исключению многих российских журналов, которые не индексируются. Обзор проводился в четыре этапа. Первый этап, 'планирование обзора', был необходим для сбора знаний о международных и национальных антикоррупционных дискурсах, а также о развитии российского гражданского общества. На втором этапе после первоначального широкого отбора исследований было отобрано 150 работ, которые отвечали трем основным характеристикам: а) опубликованы на английском или русском языках; б) включают ключевые слова 'противодействие коррупции в России/в Российской Федерации', 'борьба с коррупцией в России/в Российской Федерации', 'антикоррупция в России/в Российской Федерации'; в) являются статьями в академических журналах, главами в академических книгах и материалами научных конференций. Отбор из 150 работ проводился на основе двух критериев: а) актуальность вопросов, рассматриваемых с целью обзора литературы; б) общее качество публикации. На третьем этапе 52 исследования были отобраны для окончательного обзора на основе их качества с

учетом дизайна исследования, теоретической основы и методологического анализа.⁴² На четвертом этапе был проведен тематический и контент-анализ материала с учетом следующих вопросов: а) Какие аспекты антикоррупции в России были рассмотрены? б) Как была артикулирована антикоррупция? в) Как была артикулирована роль правительства? г) Как была артикулирована роль гражданского общества? д) Каковы результаты исследования? Цель состояла в том, чтобы понять, можно ли различать академические дискурсы, отражающие международные или национальные антикоррупционные формулировки артикуляции. (Статьи Б и Г)

Статьи А и В основаны на данных, собранных в ходе кабинетных исследований и полевых работ. Отбор акторов гражданского общества, включенных в эмпирические исследования данных статей, проводился в два этапа. Первый из них включал анализ предыдущих исследований по борьбе с коррупцией в России с целью сбора информации об акторах гражданского общества. Было обнаружено семнадцать акторов гражданского общества, прямо или косвенно задействованных в этой области, которые действовали в стране с 2000 по 2020 год. Собранные данные были проверены с использованием интернет-ресурсов, таких как официальные веб-сайты, или путем прямого обращения по электронной почте к сотрудникам и членам этих организаций и инициатив. Выяснилось, что семь акторов прекратили свою деятельность много лет назад, отчасти из-за принятия законов об ‘иностранных агентах’ и ‘нежелательных организациях’, которые ограничивали деятельность нескольких организаций (см. статьи А и Б). На втором этапе список оставшихся десяти акторов гражданского общества был объединен с информацией об организациях и инициативах, собранной в результате анализа интернет-ресурсов и публикаций СМИ о борьбе с коррупцией, демократии и правах человека в России на английском и русском языках, в результате чего в итоговом списке насчитывалось ... акторов гражданского общества. Из данного списка в полевое исследование было включено пятнадцать акторов гражданского общества, что отражает готовность респондентов участвовать в проекте. В исследование включены российские организации, входящие в международные сети, прямо или косвенно участвующие в этой области; независимые российские организации и инициативы, прямо или косвенно работающие в этом секторе;

---

⁴² Meyrick J. What is Good Qualitative Research? A First Step towards a Comprehensive Approach to Judging Rigour/Quality. *Journal of Health Psychology*. 2006. Vol. 11. P. 799-808. Nielsen R. B. Cues to Quality in Quantitative Research Papers. *Family and Consumer Sciences Research Journal*. 2011. Vol. 40. P. 85-89.

полугосударственные российские антикоррупционные организации; антикоррупционные организации и инициативы, созданные оппозицией, прямо или косвенно работающие в этом секторе; самоорганизованные городские группы. (Приложение 1)

На следующем этапе анализа с помощью веб-сайтов организаций и инициатив, включенных в исследование, были отобраны официальные заявления, миссии, стратегии и отчеты о деятельности и проектах, которые проблематизировали (анти)коррупцию. Анализ этих текстов был проведен с учетом того, как были артикулированы основные означающие международного дискурса.

Данные, собранные на этом этапе, сравнивались с данными, полученными в результате анализа текстов 39 полуструктурированных интервью и четырех неофициальных бесед с представителями отобранных организаций и инициатив. 32 представителя этих акторов гражданского общества приняли участие в этом исследовательском проекте; интервью с двумя респондентами были проведены дважды для дальнейшего изучения некоторых аспектов, выявленных в ходе первых интервью. Кроме того, было проведено пять интервью с учеными и экспертами по борьбе с коррупцией, работающими в исследовательских центрах, университетах и членами государственных органов. Интервью были собраны в период с 2019 по 2021 год. Каждое интервью длилось от 40 до 90 минут, проводилось автором на русском языке и было расшифровано и проанализировано автором с регулярными консультациями с носителями языка, когда это было необходимо. Цитаты, которые используются в публикациях, были переведены автором с русского на английский.

Интервью проводились лично и дистанционно из-за ограничений, связанных с пандемией, в Ижевске, Калининграде, Москве, Санкт-Петербурге и Тюмени. Решение включить в исследование Москву и Санкт-Петербург было принято в связи с тем, что большинство организаций расположено в этих двух городах. В исследование были включены филиалы международных и национальных организаций и инициативных групп, базирующиеся в Тюмени и Калининграде.

Научный вклад исследования в развитие предметного поля и положения, выносимые на защиту

Научный вклад исследования в развитие предметного поля

1) Эта работа включает в себя первый обзор литературы отечественных и международных работ по борьбе с коррупцией в России. Анализ показывает, что область исследования состоит из двух направлений, отражающих международный и национальный антикоррупционный дискурсы. В исследовании отмечается необходимость применения критического подхода, который фокусируется на местных значениях, передаваемых борьбе с коррупцией, и возможной дискурсивной напряженности в гражданском обществе.

2) Данная работа представляет собой первое исследование того, как международный антикоррупционный дискурс артикулируется акторами гражданского общества в России.

3) Работа дополняет существующую литературу по антикоррупционным дискурсам в России, предлагая исследование текстов гражданского общества, возникающих из официальных заявлений, и интервью с целью выявления дизъюнкций и противоречий. Такой подход позволил раскрыть оспаривание обозначаемых, стоящее за официальными заявлениями.

4) Исследовательский проект проводился с учетом самоорганизованных групп, роль которых была упущена из виду в существующей литературе по борьбе с коррупцией в России. Эта работа описывает, как их артикуляции коррупции конкурируют с другими локальными артикуляциями, внося свой вклад в отечественную и международную литературу по борьбе с коррупцией.

Положения, выносимые на защиту

1) Исследование свидетельствует о наличии конкурирующих артикуляций антикоррупции в российском гражданском обществе, которые воспроизводят, обсуждают и оспаривают международный антикоррупционный дискурс. Анализ того, как ключевые означающие международного дискурса повторно артикулируются на локальном уровне, позволил выделить четыре артикуляции.

2) Анализ локальных артикуляций 'плавающих означающих' международного дискурса выявил дискурсивную конкуренцию по нескольким основным означающим:

‘коррупция’, ‘гражданское общество’, ‘экспертиза’, ‘стабильность’, ‘государство’ и ‘мораль’. Эти узловые точки наделяются новыми значениями для легитимации действующих акторов, и они приобретают различную актуальность в каждой артикуляции.

3) Анализ артикуляций борьбы с коррупцией позволил исследовать, какой смысл остается исключенным и дискурсивно конструируется как антагонистический ‘Иной’. Исследование предпринимает попытку раскрыть, как парагосударственные организации создают контргегемонистский дискурс. Тем не менее, Все артикуляции ‘коррупции’ как проблемы рассматривают ее как проблему высокопоставленных чиновников, что не позволяет правительству установить контргегемонистский дискурс, поскольку это не заслуживает доверия. Исследование также выделяет наличие агонистических артикуляций антикоррупции, которые конкурируют, но которым не хватает легитимности, необходимой для завершения дискурса.

4) Полученные результаты демонстрируют, как основные означающие международного дискурса остаются “плавающими означающими” на локальном уровне, поскольку антикоррупционные формулировки сводятся к оппортунистической конкуренции за ограниченное число означающих, что препятствует построению дискурсов.

Основные результаты исследования

Анализ артикуляций акторами гражданского общества антикоррупции показывает внутри- и междискурсивный конфликты, происходящие в поле дискурсивности, разворачивающиеся в том, как основные означающие, в данном случае “плавающие означающие”, наделяются новым значением, оспаривая, обсуждая и воспроизводя международный дискурс.

Исследование Гебеля объяснило, что “коррупция” представляет собой основной означающий коррупционной цепочки и как антикоррупционная цепочка была артикулирована путем увязки таких основных означающих, как ‘гражданское общество’, ‘подотчетность’, ‘конкуренция’, ‘прозрачность’, ‘честность’. Привязка элементов к этим основным означающим позволяет временно зафиксировать международный дискурс.

Данная работа объясняет, как локальные артикуляции антикоррупции уплотняют/ конденсируют дискурсивную борьбу вокруг некоторых основных означающих. Одновременно некоторые означающие теряют смысл, а другие его

обретают. Это следствие растущей политизации темы в России, которая ограничивает границы дебатов и дискурсивной борьбы. Основные означающие, которые представляют дискурсивное поле, не только наделяются различными значениями разными группами акторов, но и приобретают различную значимость в каждой артикуляции, раскрывая оппортунистическое использование значения с целью легитимации каждой дискурсивной конструкции борьбы с коррупцией и делегитимизации других артикуляций. Это предотвращает осаждение смысла и приводит к дискурсивной борьбе за легитимность.

В следующих параграфах проиллюстрированы четыре различных артикуляции антикоррупции, которые появились в результате исследования. Выявление этих артикуляций позволило сгруппировать акторов гражданского общества. Артикуляция "государственная стабильность" включает в себя полугосударственные организации; "социальная мобилизация" включает независимых локальных акторов и членов международных сетей, непосредственно вовлеченных в борьбу с коррупцией; "политические изменения" артикулируются локальными акторами, поддерживаемыми оппозицией или косвенно вовлеченными в сферу демократии и прав человека; артикуляция 'практико-ориентированная экспертиза' включает в себя самоорганизованных городских активистов.

Полученные данные свидетельствуют о попытке парагосударственных организаций подорвать международный дискурс с целью установления контргегемонистской артикуляции, а также о наличии агонистических дискурсов, которые по-разному артикулируют основные означающие. Все эти артикуляции приводят к созданию различных антагонизмов, которые свидетельствуют о фрагментации гражданского общества и трудности установления сотрудничества между действующими лицами.

Эта работа показывает, как международный дискурс, вызванный оппортунистической человеческой природой отдельных лиц, переосмысливается на локальном уровне как следствие вертикали власти, отсутствия государственной идеологии и отсутствия морали. Такое понимание коррупции и ее причин приводит к созданию "антикоррупции", которая оспаривает и обсуждает основные означающие международного дискурса. Различные артикуляции идентифицируются путем рассмотрения основного означающего, которое приобретает центральную роль в каждой артикуляции, поскольку оно соотносится со значением других означающих.

Артикуляция 'государственной стабильности'

Контргегемонистский дискурс стремится заменить гегемонистский дискурс путем свержения основных означающих и установления новой "цепочки эквивалентности", создавая антагонизм, который позволяет временно зафиксировать дискурс. Это исследование раскрывает попытку российских парагосударственных организаций сконструировать контргегемонистский проект, характеризующийся/свержением основных означающих, что приводит к дискурсивной национализации борьбы с коррупцией. С одной стороны, эта артикуляция свидетельствует о готовности российского правительства соблюдать международные антикоррупционные стандарты, с другой стороны, внутри страны эти организации гражданского общества стремятся создать национально-суверенный антикоррупционный дискурс вокруг главного основного означающего - "(государственной) стабильности", концепции, артикулированной как важнейшей для борьбы с коррупцией. В результате контргегемонистская артикуляция подрывает значения, придаваемые 'гражданскому обществу', 'экспертизу', 'морали' и 'государству', все значения которых сформулированы со ссылкой на 'коррупцию' и 'стабильность'.

В этой артикуляции 'коррупция' сформулирована как проблема, с которой можно бороться с помощью внедрения механизмов контроля; в то же время 'коррупция' также сформулирована как вызванная отсутствием государственной идеологии, которая помешала бы государственным чиновникам 'предавать государство'. Эта артикуляция представляет коррупцию как акт 'измены' стабильности государства, который может привести к вспышке 'цветных революций' и вмешательству иностранных держав. Коррупция является моральной проблемой по отношению к государству и лишь косвенно к обществу, поскольку она может привести к политической и, следовательно, экономической нестабильности. Этой проблеме необходимо противодействовать с помощью механизмов контроля и создания государственной идеологии. Однако эталонной моделью для борьбы с коррупцией является не Запад, как косвенно подразумевает международный дискурс, а советская система, где чиновники 'чувствовали себя частью чего-то большого и важного', занимались строительством коммунистической страны, и это мешало им заниматься коррупционными практиками. Этот вывод перекликается с Доши и Ранганатаном, которые объясняют, как коррупция "всегда имплицитно позиционируется относительно

воспринимаемого нормального или ранее ‘некоррупцированного’ положения дел”⁴³, что определяет способ противодействия коррупции.

Проект создания национально-суверенного антикоррупционного дискурса воспроизводится в интервью, где Запад обвиняется в инструментальном использовании антикоррупционных международных организаций и агентств для ослабления стабильности стран, как это произошло в России в 1990-х годах. Нынешняя Россия, восстановившая свой суверенитет, противопоставляет нестабильным и коррупцированным либеральным 1990-м годам в попытке легитимизировать нынешнее руководство и его успешную национализацию элит.⁴⁴ (Интервью 3, 14)

Возникающая цепь антагонистов, ‘Иные’ представлены представлены коррупцированными странами, в том числе теми, которые позволяют Западу вмешиваться в их внутренние дела во имя ‘правильной’ борьбы с коррупцией, теряя свой суверенитет. (Интервью 3, 14, 16) Мораль в этой артикуляции связана с моралью ‘лояльных’ государственных чиновников.

Оправданный центральной идеей сохранения суверенитета страны, контргегемонистский проект легитимизирует только ту часть гражданского общества, которую считают патриотичной и готовой сотрудничать с государством в достижении целей, поставленных в Национальных планах противодействия коррупции, следовательно, делегитимизируя независимые инициативы гражданского общества и организации, входящие в состав международных сетей или при поддержке оппозиции.

⁴⁵ Таким образом, созданный антагонизм представлен не только внешними силами и государственными чиновниками, но и российскими организациями гражданского общества, обвиняемыми в служении иностранным интересам, играя роль “‘иностранный” внутри’”.⁴⁶ (Интервью 3, 14, 16)

Однако попытка создать контргегемонистский проект не имеет международный масштаб, поскольку Россия на международном уровне позиционируется как страна, борющаяся с коррупцией в соответствии с международными конвенциями, поэтому ей не хватает легитимности, необходимой для продвижения универсальной

---

⁴³ Doshi, S., Ranganathan M. Towards a critical geography of corruption and power in late capitalism. *Progress in Human Geography*. 2019. Vol. 43. № 3. P. 438.

⁴⁴ Stuvøy K. ‘The Foreign Within’: State–Civil Society Relations in Russia. *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72. № 7. P. 1107.

⁴⁵ Chebankova E. Contemporary Russian conservatism. *Post-Soviet Affairs*. 2016. Vol. 32. № 1. P. 28-54.

⁴⁶ Stuvøy K. ‘The Foreign Within’: State–Civil Society Relations in Russia. *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72. № 7. P. 1103-1124.

антикоррупционной модели, способной подорвать международный дискурс на глобальном уровне.⁴⁷

Эта артикуляция пытается ограничить внутренние противоречия, выстраивая дискурс вокруг "(государственной) стабильности" и подчеркивая центральную роль, которую играет правительство в обуздании коррупции. Результатом является артикуляция, которая отвергает необходимость полного принятия модели, продвигаемой международным дискурсом, оспаривая превосходство и универсальность международной экспертизы и организаций-наблюдателей, продвигая проект "суверенной / национальной" антикоррупции, который подразумевает, по крайней мере формально, принятие стандартных международных механизмов контроля, но формулирует его по отношению к основному означаемому - '(государственной) стабильности'. Тем не менее, проект по созданию контргегемонистского дискурса, основанного на стабильности государства, ограничен широко распространенным в обществе восприятием правительства как коррумпированного, подпитываемого также опубликованными оппозицией расследованиями коррупционных скандалов, касающихся высокопоставленных чиновников. Отсутствие альтернативных решений для противодействия проблеме, помимо идеологии, которая остается нечетко сформулированной и оппортунистически используется для указания на центральную роль государства, препятствует успешному созданию контргегемонистского проекта.

Артикуляция 'социальной мобилизации'

Артикуляция 'социальной мобилизации' конструирует коррупцию как проблему "принципала-агента", так и проблему "коллективных действий", с которой можно бороться, повышая осведомленность во всех сферах и заставляя таким образом правительство совершенствовать механизмы контроля.⁴⁸ Коррупция в России вызвана структурой власти, основанной на 'родстве и лояльности к правительству', присутствием государства во всех сферах, но также и непониманием обществом последствий коррупционных практик, применяемых в повседневной деятельности. Таким образом, артикуляция 'коррупции' в международном дискурсе воспроизводится

---

⁴⁷ Pavlova E. Corrupt governance: Self-defeating anti-corruption rhetoric and initiatives in Russia. *New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations*. 2020. Vol. 28. № 2. P. 205-222.

⁴⁸ Gebel A.C. Human nature and morality in the anti-corruption discourse of transparency international. *Public Administration and Development*. 2012. Vol. 32. № 1. P. 109-128. Pavlova E. Corrupt governance: Self-defeating anti-corruption rhetoric and initiatives in Russia. *New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations*. 2020. Vol. 28. № 2. P. 205-222.

здесь, информируя также артикуляцию 'гражданского общества' как посредника, представляющего интересы граждан путем поддержания подотчетности правительства и усиления механизмов контроля. Представленный как следствие коррупции, элемент 'нестабильности' артикулируется как экономическая проблема, приводящая к неспособности государства справляться с кризисами и удовлетворять потребности населения. Однако 'нестабильность' также сконструирована как следствие растущей изоляции России на глобальном уровне, которая препятствует установлению партнерских отношений с международными антикоррупционными институтами, что имеет решающее значение для эффективной реализации антикоррупционной политики, как это сформулировано также в международном дискурсе. Воспроизводя международный дискурс, эта артикуляция подчеркивает важность применения правильных 'знаний' для антикоррупции, которая должна осуществляться при посредничестве аполитичного гражданского общества. Таким образом, эта артикуляция делегитимизирует действующих акторов, поддерживаемых оппозицией, за то, что они 'назвали имена и пристыдили коррумпированных чиновников' вместо того, чтобы проводить долгосрочные структурные изменения, и полугосударственные организации за то, что они были созданы 'для перераспределения ресурсов'. (Интервью 1, 19, 27)

Однако сравнение различных типов текстов выявляет внутридискursивные противоречия между официальными заявлениями и интервью. Фактически, построение гражданского общества как неконфронтационного посредника, обладающего 'правильными знаниями', дискурсивно оспаривается в России артикуляцией 'смены режима', которая рассматривает протесты как единственный эффективный антикоррупционный инструмент. Из анализа артикуляции 'социальной мобилизации' становится ясно, как на самом деле респонденты рассматривают протесты как единственный эффективный инструмент для получения поддержки общества в России, раскрывая борьбу за взаимодействие с последним, позиционируя себя в качестве 'экспертов' и посредников. (Интервью 5, 6, 19) Фактически, в контексте, когда такие акторы дискурсивно конструируются как "иные внутри", а борьба с коррупцией политизирована, такая дискурсивная легитимация неэффективна, и респонденты признают, что являются 'рупором только самих себя, а не граждан'. (Интервью 5, 22, 24) Таким образом, формирование неконфронтационного и 'экспертного' гражданского общества обсуждается и корректируется в соответствии с контекстом.

В попытке преодолеть отсутствие легитимации в обществе, вызванной дискурсом правительства о гражданском обществе и инициативах, поддержанных

оппозицией, выясняется, что некоторые из акторов сгруппированы в артикуляции ‘социальная мобилизация’ и адаптируются к политизации борьбы с коррупцией, оставаясь при этом неконфронтационными. Фактически, выясняется, как они пытаются установить партнерские отношения с сегментом общества, который поддерживает консервативный дискурс правительства о гражданском обществе, но чьи религиозные ценности ставят под сомнение коррумпированное поведение российской элиты. В своих дискурсах этот сегмент общества обвиняет элиту в преследовании собственных интересов в ущерб национальным интересам, несмотря на попытки правительственного дискурса продвигать идею успешной ‘национализации элит’ и ‘отстранения’ олигархов от властных постов в России.⁴⁹ Этот сегмент общества связывает вопрос об ‘иностранном вмешательстве’ как с ‘иностранном’ гражданским обществом, так и с образом ‘неолиберальной, глобальной, космополитической партии’ правящей элиты, поведение которой противоречит ортодоксальным ценностям.⁵⁰ Таким образом, акторов артикуляции ‘социальной мобилизации’ представляют ‘гражданское общество’ не только как обладающее ‘правильными знаниями’, но и представляющее ‘ценности’ общества в отличие от элиты, следовательно, участвующее в политическом дискурсе. (Интервью 1, 5, 27)

Как объяснялось выше, создание Иного-антагониста имеет фундаментальное значение для фиксации дискурсов. Из этих выводов становится ясно, как в официальных текстах эта артикуляция воспроизводит международный дискурс, ‘выделяя’ созданных правительством и оппозицией акторов гражданского общества, которых обвиняют в недостатке ‘правильных знаний’ и преследовании политических целей, а не структурных изменений, необходимых для реализации эффективной антикоррупционной политики. (Интервью 1, 15, 27) В то же время, как объяснялось выше, в тексте, собранном во время интервью, протесты сформулированы как эффективные в таком контексте, как Россия. При внутридискурсивной артикуляции выясняется, как сегмент общества с ‘советским менталитетом’ и отворачиванием к разоблачению коррупционеров конструируется как ‘внутренний иной’ вместе с гражданами, ‘которые не являются кантианцами, а просто следуют за политическим

---

⁴⁹ Chebankova E. Competing ideologies of Russia’s civil society. *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 67. № 2. P. 244-268.

⁵⁰ Chebankova E. Competing ideologies of Russia’s civil society. *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 67. № 2. P. 257.

лидером', следовательно, которые не проявляют критического мышления. (Интервью 5, 27)

Артикуляция 'практико-ориентированная экспертиза'

В этой артикуляции коррупция представлена как вызванная некомпетентным и аморальным поведением государственных должностных лиц. Такое построение борьбы с коррупцией вокруг основных означающих 'экспертиза' и 'гражданское общество' частично противоречит международному дискурсу. Артикуляция игнорирует неформальные практики, используемые обычными гражданами, самоисключающими активистов от коррупции, и отражает внутренний процесс политизации темы, который привел к ассоциации коррупции с высокопоставленными чиновниками. В то же время, артикуляция оспаривает международный дискурс, который представляет коррупцию как вызванную главным образом отсутствием контроля, подчеркивая отсутствие 'профессионализма' и 'морали' среди государственных должностных лиц, причем последнее понимается как уважение к гражданам. В текстах, собранных в ходе интервью, 'экспертиза' артикулируется как способность 'собирать научные данные' о конкретных городских проблемах, правильно применять инструменты принятия совещательных решений и использовать государственный бюджет, а также разрабатывать проекты, отвечающие интересам граждан, в отличие от государственных чиновников, которых нанимают для их лояльности к власти (интервью 7, 9, 10, 30). Борьба с коррупцией связана с принципом 'самоочевидности', занимающим центральное место в развитии активизма в России.⁵¹ Таким образом, эта формулировка бросает вызов легитимности правительства как актора борьбы с коррупцией, обвиняя его в применении коррупционных схем, которые препятствуют городскому развитию территории в соответствии с потребностями граждан. (Интервью 7, 11, 12, 28, 29, 30, 32) В то же время эта артикуляция ставит под сомнение дискурсы 'социальной мобилизации' и 'смены режима', противопоставляя 'хороших людей, обладающих опытом защиты прав граждан' акторам, преследующим политические или абстрактные цели. Эти выводы перекликаются с внутридискурсивными дизъюнкциями в артикуляции 'социальная мобилизация', которые раскрывают борьбу независимых антикоррупционных организаций за представление граждан и легитимизацию их в

---

⁵¹ Желнина А., Тыканова Е. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2019. Vol. 22. № 1. P. 162–192.

качестве ‘экспертов’. Таким образом, городские активисты оспаривают центральную роль, отведенную неправительственным организациям в международном дискурсе, формулирующем ‘хорошее гражданское общество’ как представляющее локальные потребности и знания. Кроме того, дискурсу ‘смены режима’, который артикулирует акторов ‘гражданского общества’ как защитников ‘хороших людей’, бросает вызов ‘практично ориентированная’ артикуляция, которая конструирует их как ориентированных на политические цели и отражающих иерархическую/вертикальную и маскулинизированную структуру принятия решений в правительстве. (Интервью 8, 9, 31, 32)

В этой формулировке Запад и Европа представлены как эталонные модели, как ‘хорошее некоррупцированное общество’, где граждане могут участвовать в процессе принятия решений, имеют доступ к информации и где коррупция не препятствует ‘профессионализму’ в государственных органах. (Интервью 7, 12, 30)

Артикуляция ‘смена режима’

Артикуляция ‘смена режима’ уже частично исследовалась в существующей литературе по борьбе с коррупцией в России.⁵² Результаты этого исследования указывают на оппортунистическое конструирование коррупции как проблемы, касающейся высокопоставленных чиновников, для легитимизации протестов и заявлений о смене режима.

В этой артикуляции ‘гражданское общество’ представлено как политическое, поскольку оставаться аполитичным означает ‘не быть полностью вовлеченным в борьбу с коррупцией’, оставаться ‘пассивным’. (Интервью 4, 21, 23, 25, 33) Роль гражданского общества заключается в мобилизации граждан и повышении осведомленности не о последствиях коррупции, а о коррупционном поведении известных государственных чиновников посредством расследований в средствах массовой информации. (Интервью 4, 21, 33) Таким образом, неконфронтационная роль ‘гражданского общества’, сформулированная в международном дискурсе, здесь подрывается, поскольку считается неэффективной с последующей делегитимацией акторов гражданского общества, которые поддерживают неполитический подход.

---

⁵² Aburamoto M. The politics of anti-corruption campaigns in Putin’s Russia: power, opposition, and the All-Russia People’s Front. *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. № 3. P. 408-425. Makarova M. Between the State and Civil Society: Anti-corruption Discourse of Movements and Non-governmental Organizations in Russia. *Research in Social Change*. 2019. Vol. 11. № 3. P. 39–68. Pavlova E. Corrupt governance: Self-defeating anti-corruption rhetoric and initiatives in Russia. *New Perspectives*. 2020. Vol. 28. № 2. P. 205-222.

‘Экспертиза’ также приобретает новое значение, превращаясь в способность проводить коррупционные расследования и эффективно ‘упаковывать’ их, чтобы привлечь внимание широкой аудитории. (Интервью 4, 21) ‘Стабильность’ здесь связана с процветанием – целью, которая может быть достигнута путем свержения коррумпированного политического режима. Запад и Европа представляют собой ‘некоррумпированный мир’, к которому должна стремиться Россия, мир, построенный как место, где люди живут ‘нормально’, а не как место, где применяются конкретные антикоррупционные политики или механизмы. (Интервью 21, 25, 34, 36) Внутридискursивный анализ показывает, что антагонистами являются не только коррумпированные чиновники, но и ‘пассивные’ граждане и акторы гражданского общества, причем пассивность понимается как неучастие в протестах. (Интервью 4, 21, 34, 37)

Общие выводы исследования

В обзоре литературы, в котором изучались научные работы о борьбе с коррупцией в России, были выделены два академических дискурса, один из которых отражает международный антикоррупционный дискурс, а другой - внутренний. В этом контексте неоднородность акторов гражданского общества, занимающихся борьбой с коррупцией, последствия политизации темы и локальные особенности международного дискурса оставались неисследованными.

Опираясь на критические работы по борьбе с коррупцией, этот проект анализирует, как международный дискурс переосмысливается на локальном уровне различными акторами гражданского общества. Применяя концепцию ‘плавающего означаемого’, это исследование понимает основные означаемые международного дискурса как открытые для различных приписываний значений.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии четырех артикуляций противодействия коррупции на основе различной конструкции основных означаемых, таких как ‘коррупция’, ‘гражданское общество’, ‘стабильность’, ‘экспертиза’, ‘мораль’ и ‘государство’. Анализ согласов, воспроизведения и оспаривания значений выявляет борьбу в антикоррупционном поле дискурсивности и невозможность создать общую модель ‘хорошего антикоррупционного мира’, которая препятствует сотрудничеству между акторами гражданского общества.

Список публикаций автора диссертации, в которых отражены основные научные результаты диссертации

Chiarvesio Francesca, Lili Di Puppo. (2022) . “If one is Orthodox, one should not strive for luxury”: political values and the changing strategies of anti-corruption CSOs in Russia. *Globalizations*.1-16. DOI: 10.1080/14747731.2022.2054086.

Chiarvesio Francesca. (2021) Exploring anti-corruption knowledge on Russia: an analysis of how the context matters. *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. 29 (2-3): 209-224. DOI: 10.1080/25739638.2021.2007606.

Chiarvesio Francesca. (2021) Urban activists from the perspective of anti-corruption: a framing approach. *Journal of Social Policy Studies*. 19 (2): 315-326. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-315-326.

Chiarvesio Francesca. (2020) The stagnation of anti-corruption studies on Russia: how to reverse the situation. *Vestnik Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 58: 198-206. DOI: 10.17223/1998863X/58/18

Апробация результатов исследования

07.06.21, Тартуский Университет, Post-Socialist (dis)Orders, “Inside the promotion of anti-corruption and democratic principles in Russia: understanding the agency grassroots urban initiatives” (Конференция)

17.11.20, ELKH Будапешт, “Social dynamics. Inequalities, integration, mobility and migration”, “Going beyond the normative approach to investigate civil society engaged in anti-corruption in Russia and its dialogue with the state” (Конференция)

21.12.20, МЛ ИСИ ВШЭ, Interaction. Integration. Inclusion, “Contextualising anti-corruption: Analysing CSOs’ legitimisation strategies in Russia's anti-corruption field” (с Lili Di Puppo) (Конференция)

22.07.20, МЛ ИСИ ВШЭ, “New perspectives on Russian civil society. Discovering new boundaries” (Круглой стол)

Приложение 1

1	Май 2019 года (Москва)	Антикоррупционная неправительственная организация, международная сеть (1)	Директор
2	Май 2019 года (Москва)	Исследовательский центр по борьбе с коррупцией, связанный с национальным университетом и созданный в рамках Национального плана по борьбе с коррупцией	Директор/Эксперт
3	Май 2019 года (Москва)	Правительственная антикоррупционная организация	Директор
4	Июнь 2019 года (Москва)	Антикоррупционная неправительственная организация, поддерживаемая оппозицией (1)	Сотрудник
5	Август 2019 года (Калининград)	Антикоррупционная неправительственная организация, международная сеть (2)	Сотрудник
6	Август 2019 года (Калининград)	Антикоррупционная неправительственная организация, международная сеть (3)	Сотрудник
7	Август 2019 года (Калининград)	Городская незарегистрированная группа	Активист
8	Август 2019 года (Калининград)	Городская незарегистрированная группа	Активист
9	Август 2019 года (Калининград)	Городская незарегистрированная группа	Активист
10	Август 2019 года (Калининград)	Городская незарегистрированная группа	Активист
11	Август 2019 года (Калининград)	Городская незарегистрированная группа	Активист
12	Август 2019 года (Калининград)	Городская незарегистрированная группа	Активист
13	Август 2019 года (Калининград)	Экологическая организация	Сотрудник
14	Октябрь 2019 (Москва)	Антикоррупционная неправительственная организация, поддерживающая повестку дня правительства	Директор
15	Октябрь 2019 (Москва)	Центр антикоррупционных исследований при национальном университете, бывший сотрудник местной антикоррупционной организации	Эксперт
16	Октябрь 2019 (Москва)	Исследовательский центр по борьбе с коррупцией при национальном университете	Директор
17	Апрель 2019 (Ижевск)	Исследователь по борьбе с коррупцией, связанный с национальным университетом	Эксперт

18	Июнь 2020 года (Санкт-Петербург)	Независимая неправительственная организация с акцентом на демократию	Директор
19	Июнь 2020 года (Москва)	Независимая антикоррупционная неправительственная организация	Директор
20	Июль 2020 (Москва)	Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека	Эксперт
21	Июль 2020 (Москва)	Антикоррупционная неправительственная организация, поддерживаемая оппозицией (2)	Сотрудник
22	Август 2020 (Москва)	Доцент университета и член заместителя правления независимой антикоррупционной организации, входящей в международную сеть	Эксперт
23	Декабрь 2020 (Москва)	Независимая неправительственная организация, занимающаяся вопросами прав человека	Сотрудник
24	Декабрь 2020 (Москва)	Исследователь и член заместителя правления независимой антикоррупционной организации, входящей в международную сеть	Expert
25	Январь 2021 (Москва)	Незарегистрированная группа (демократия)	Сотрудник
26	Февраль 2021 (Москва)	Независимая неправительственная организация (демократия)	Сотрудник
27	Февраль 2021 (Москва)	Антикоррупционная неправительственная организация, международная сеть (4)	Director
28	Февраль 2021 (Калининград)	Городская незарегистрированная группа	Активист
29	Февраль 2021 (Калининград)	Городская незарегистрированная группа	Активист
30	Февраль 2021 (Калининград)	Городская незарегистрированная группа	Активист
31	Февраль 2021 (Калининград)	Городская незарегистрированная группа	Активист
32	Февраль 2021 (Калининград)	Городская незарегистрированная группа	Активист
33	Февраль 2021 (Москва)	Незарегистрированная группа (права человека)	Сотрудник
34	Февраль 2021 (Москва)	Независимая неправительственная организация (права человека)	Сотрудник
35	Февраль 2021 (Москва)	Незарегистрированная антикоррупционная группа	Волонтер
36	Марч 2021 (Тюмень)	Незарегистрированный гражданский проект (демократия)	Волонтер
37	Апрель 2021 (Москва)	Незарегистрированная организация, поддерживаемая оппозицией (демократия)	Волонтер
38	Апрель 2021	Местная антикоррупционная организация	Эксперт/Бывший

	(Санкт-Петербург)		сотрудник
39	Май 2021 (Санкт-Петербург)	Незарегистрированная организация (демократия)	Director